

УДК 1:93+1:94+101.1:316

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОНОВ

аспирант кафедры философии и социологии факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный гуманитарный университет
Voronov.mspu@rambler.ru

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: СВЯЗЬ СМЫСЛА ЖИЗНИ И СМЫСЛА ИСТОРИИ

В статье предпринимается попытка показать связь истории и философии истории с конструированием и обоснованием социально-исторических смыслов. В контексте решения этой задачи онтологическая философия истории интерпретируется как метатеория для общемировоззренческих представлений об истории, конструирующих и обосновывающих универсальные ее смыслы. Функция исторического познания соотносится с легитимацией региональных социально-исторических смыслов.

Ключевые слова: универсальный смысл истории, региональные социально-исторические смыслы, смысл жизни, понимательная модель, описание, объяснение и понимание истории

В статье рассматривается проблематика, связанная с мировоззренческой функцией онтологической философии истории, которая (функция) соотносится с привнесением в социально-историческую действительность определенного *универсального смысла*. Поскольку философско-исторические теории являются своего рода интерпретационной «надстройкой» над фактуальным знанием о прошлом, необходимым является и анализ мировоззренческого значения непосредственно исторического познания. По нашему мнению, в рамках философско-исторических схем можно вести речь об универсальном и рефлексивном смысле общественного развития, тогда как историческая наука ориентирована на конструирование и легитимацию *региональных социально-исторических смыслов*, как правило, имеющих дорефлексивный характер. Существенной является также проблема связи личностного, субъективного *смысла жизни* отдельного человека как с региональными социально-историческими смыслами, так и с универсальным смыслом истории. Таким образом, целью данной работы является попытка решения вышеперечисленных проблемных вопросов.

История как действительное прошлое и особая специфическая форма познания этого прошлого присуща как индивиду, так и различным социальным общностям. Если знание об индивидуальном прошлом сохраняется благодаря такому свойству психики, как память, то знание о коллективном прошлом должно являться общезначимым [18; 9] и не основываться на имманентных отдельному человеку способах сохранения и ретрансляции информации¹.

Знание о социально-историческом прошлом в силу своего общезначимого характера должно выполнять определенные социальные функции. Эти функции связаны прежде всего с сохранением культурно-исторической памяти и с формированием коллективной идентичности [18; 110].

Существование отдельного человека невозможно вне пространства конкретных социальных общностей, имеющих собственную историю. Индивид всегда идентифицирует себя с определенной семейной, профессиональной, этнической, государственной, религиозной и другими общностями. Сам смысл человеческой жизни во многом конституируется такими социально-историческими идентичностями. Смысл жизни, в отличие от смысла социального действия, не может определяться исключительно внешними прагматичными целями, поскольку относительно любой поставленной человеком конкретной цели возможен вопрос: зачем или ради чего? Постоянная актуальность этого рефлексивного вопроса определяется фактом нашей конечности [23]. Региональная идентичность позволяет получать ответы на вопрос «зачем?» в параметрах региональных исторических смыслов. Жизнь и деятельность индивида самолегитимируются, поскольку он осознает себя членом определенных социально-исторических образований². Тем не менее региональные социально-исторические смыслы в ситуации мировоззренческой рефлексии могут быть также поставлены под сомнение как нечто внешнее, ситуативное, случайное, не имеющее отношения к внутреннему, подлинному «Я» [22; 41–46].

Проблема подлинного, рефлексивного смысла жизни может решаться как на личном экзистенциальном уровне, например в различных философских учениях эпохи эллинизма или в светском направлении экзистенциализма, так и на всеобщем социальном уровне. Включенность индивидуальной человеческой жизни в социально-историческое существование всего человечества подразумевает возможность соотнесения личного смысла жизни и универсального смысла истории [26; 94]. Здесь нам необходимо ответить на вопрос, может ли решаться проблема универсального смысла истории в рамках собственно исторической науки.

История как форма познания основывается прежде всего на процедуре описания. Описанием является совокупность предложений, характеризующих определенный объект. В качестве элементарного объекта, как правило, выступает историческое событие [3; 118], [21; 142–147]. По мнению Р. Арона, нет существенного различия между микрособытием и макрособытием и между событием и совокупностью событий [1; 160]. По нашему мнению, для определения связанной совокупности событий оправданным является использование понятия «социально-историческая ситуация»³. Надо заметить, что историописание не ограничивается исключительно ситуативно-событийными рамками. Трансформация устойчивых социальных практик (материальных, экономических, религиозных, политических и др.) также находится в пространстве исторического познания. Формирование самостоятельной истории «практик» произошло только в XX веке в работах представителей первого поколения французской школы Анналов [12; 12, 49–56].

Описание неразрывно связано с объяснением, которое содержит в себе указание и обоснование той или иной «причины» [7; 163]. Историк, ограничивающийся только регистрацией очевидных, генетических причин, в какой-то мере действует подобно обывателю, рассказывающему «истории» из своей жизни. Проблемы исторического объяснения разрабатывались в рамках двух моделей: рационально-телеологической и дедуктивно-номологической. Модель дедуктивного «подводящего» объяснения была разработана К. Гемпелем [8; 72–80]. Структура объяснения включает в себя экспланандум – описание объясняемого события, и эксплананс – сопутствующие объекту условия, охватывающие универсальные законы или гипотезы. Отсутствие самих формулировок универсальных закономерностей, по мнению сторонников этой модели, связано с тем, что закономерности носят тривиальный характер [9; 230–232], [16; 305].

Рационально-телеологическая модель исторического объяснения была сформулирована У. Дреем. Согласно Дрею, объяснение исторических событий предполагает прежде всего выявление рациональных мотивов действующих лиц [10; 41–42]. Первоначально телеологическая и каузальная модели объяснения противопоставлялись друг другу [17; 104–105]. В дальнейшем тезис об их принципиальной «несовместимости» был поставлен под сомнение. Например, согласно П. Рикёру, в историческом познании присутствуют как каузально-номологические, так и телеологические объяснительные схемы [19; 258–259].

Необходимо отметить, что проблема объяснения несводима к логической (формальной) проблеме вывода причины, значимой является и собственно гносеологическая (содержательная) сторона. Выявить неочевидные причины событий возможно только при использовании теоретических схем, выходящих за пределы историописания. Соответственно, можно говорить о не-

обходимости своего рода «теоретической интервенции». Здесь историк может опираться как на рационально-теоретические знания, так и на идеологические, мифологические, общемировоззренческие идеи⁴.

Исторические исследования по сути представляют собой достоверные описания и вероятностные объяснения ситуативно-событийных цепочек и устойчивых социокультурных практик. Такие частные описания и объяснения собираются, связываются и организуются преимущественно в рамках национально-государственных историй⁵. Наличие современной государственности и необходимость ее легитимации обуславливают построение единой картины общего этногосударственного прошлого [5; 4–5]. Таким образом, историческое познание конструирует и обосновывает региональные социальные смыслы, актуальные в настоящем.

Надо заметить, что необходимость подробного анализа конкретных событий и практик приводит к тому, что «чем больше мы знаем, тем труднее построить теорию исторического развития... путем обобщения эмпирических данных» [6; 3–4]. Также важно указать момент, очень точно схваченный М. Хайдеггером: любая наука, в том числе история, не может выйти за пределы своего предметно-объектного поля [25; 71–80]. Таким образом, понимание универсального смысла истории возможно только вне собственного исторического познания.

Универсалистская интерпретация истории становится возможной только в рамках определенного мировоззренческого подхода, направленного не на описание и объяснение конкретных фактов, а на понимание универсальной истории. Понимание связано с привнесением того или иного смысла. Впервые история приобретает универсальный смысл, связанный с возможностью всеобщего спасения, в христианском мировоззрении [2; 6–7]. Здесь опять-таки можно говорить о «теоретической интервенции», однако «интервенция» имеет здесь принципиально иной характер. Необходимо отметить, что хотя универсальный смысл общественного развития, постулируемый в рамках того или иного мировоззренческого подхода к истории, имеет интересубъективный, общезначимый характер, принятие его в качестве лично значимого предполагает индивидуальную сознательную активность.

Сами по себе мировоззренческие представления об истории наличествуют в общественном сознании в рассеянном, концептуально невыстроенном виде, они собираются и связываются в онтологических философско-исторических концепциях.

Привнесенный, конструктивистский характер смысла истории может осознаваться субъектом рефлексии. Так, по мнению К. Поппера, сама история никакого смысла не имеет, однако мы в зависимости от наших целей можем придать ей любой смысл [16; 120]. Надо заметить, что открытое признание конструктивистского характера

универсального смысла подрывает мировоззренческие «корни» универалистских философско-исторических теорий. Поэтому мы, осмысляя историю, постоянно находимся в ситуации выбора между двумя подходами: обоснованием абсолютного характера того или иного смысла и установкой на возможность привнесения любого актуального для нас смысла [20; 97–100].

Альтернативными являются попытки объективировать смысл общественного развития. Так, Н. С. Розовым выделяются три критерия оценки исторического прошлого относительно смысла истории: 1) биологическое выживание и воспроизводство; 2) социально-экономическое и культурное воспроизводство; 3) реализация интересов, потребностей и ценностных оснований различных социальных групп сообщества [20; 101]. По нашему мнению, такая объективация ведет к формуле: смысл исторического процесса заключается в успешном его течении подобно тому, как ценность жизни сама по себе может быть поставлена под сомнение, так и сама успешность хода общественного развития вряд ли может являться значимой для конкретного индивида. В рамках универалистских онтологических концепций истории смысловая наполненность, как правило, связывается с векторной направленностью всемирно-исторического процесса, ведущего к определенному «концу» истории.

Кроме «конца» истории основными содержательными блоками философско-исторической схемы являются: «начало» истории, периодизация, движущие силы. Результатом содержательного наполнения этих категорий становится конкретная универсальная схема-структура всемирной истории, которая определяется в статье как «*понимательная модель*». Общность мировоззренческих и методологических установок различных теорий позволяет вести речь и о типах моделей. Например, различные христианские концепции всемирно-исторического развития находятся в пространстве теологической модели понимания истории.

В современной ситуации полностью спекулятивные построения не могут рассчитывать на широкое восприятие в социуме. Это актуализирует проблему взаимодействия онтологической философии истории и исторической науки [15; 6–10]. По мнению Н. С. Розова, решение этой проблемы возможно в результате создания организационной структуры социально-исторического знания по типу: «эмпирические исторические исследования» – «теоретическая история» – «философия истории» [20; 35–45]. Нивелировка данной проблемы может быть связана и с приближением философско-исторических теорий к научному социогуманитарному знанию.

Надо заметить, что философско-историческая концепция может являться метатеоретической основой для исторической науки. Классическим примером является марксистская теория, которая выступает как методология исторического познания. Такая методологическая связанность универ-

сальной модели общественного развития и региональных историй предполагает согласованность универсального смысла существования человечества и региональных социально-исторических смыслов. Региональные смыслы уже не нивелируются как нечто ситуативное, случайное, но переосмысляются, реинтерпретируются в соответствии с универсальным смыслом.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Историческое познание при объяснении прошлого зачастую основывается на «теоретической интервенции», то есть на привнесении теоретических конструктов, напрямую не связанных с самим знанием о прошлом. Региональные истории позволяют конструировать региональные социальные смыслы, определяющие смысл жизни отдельного человека. В современной ситуации региональность историописания преимущественно связана с этногосударственным измерением.

Понимание универсального смысла общественного развития осуществляется в рамках определенного мировоззренческого подхода. Мировоззренческие интерпретации истории также предполагают «теоретическую интервенцию». Концептуально структурируя, связывая и обосновывая мировоззренческие представления, которые сами уже являются теоретически нагруженными, философия истории становится своего рода метатеорией исторического процесса. Восприятие в обществе интересубъективного смысла, раскрываемого в конкретной концепции, зависит от мировоззренческой укорененности философско-исторической схемы. Общность мировоззренческих, а следовательно, и методологических оснований различных теорий актуализирует проблему типологии понимаемых моделей истории.

В онтологической философии истории связываются внешне направленное понимание, то есть осмысление мира, и внутренняя рефлексия субъекта. Региональные социально-исторические смыслы, во многом определяющие смысл жизни индивида в случае отсутствия внутренней рефлексии, либо снимаются как нечто ситуативное, несущностное, либо реинтерпретируются. В то же время подлинный, рефлексивный смысл жизни предстает здесь не в индивидуальном, а во всеобщем социальном измерении.

Смысл истории имеет конструктивный, привнесенный характер, однако признание этого положения подрывает мировоззренческие «корни» философско-исторической теории. Поэтому в рамках самой понимающей схемы смысл утверждается как нечто имманентное историческому процессу. Несмотря на то что попытки объективации универсального смысла общественного развития способствуют решению проблем, связанных с культурно-исторической и авторской субъективностью философско-исторических концепций, мировоззренческая ценность таких объективированных построений представляется сомнительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например, уже в рамках первичной устойчивой социальной общности – семьи, формой репрезентации становятся рассказы – «семейные истории», опирающиеся на свидетельства прошлого: вещи, письменные источники, фотографии и др. Рассказываемые истории для слушателей становятся источником знания о социальном прошлом, запоминание – своего рода методом познания.
- ² Так, человек может объяснять и мотивировать свои действия, помимо непосредственных целей, тем, что он – чей-то муж, житель конкретного города, принадлежит к определенной нации, исповедует ту или иную религию. Как пишет Х. Ортега-и-Гассет, «человеческая жизнь по самой природе своей должна быть отдана чему-то» [14; 131].
- ³ Понимание исторической ситуации как наличествующей совокупности исторических условий представлено в работе Л. Мизеса [13; 210–211]. К. Поппер использует концепт «социальная ситуация», отмечая как ее динамический характер – развитие, так и статический – наличие в определенный момент времени [16; 114–118].
- ⁴ Например, если психологические объяснения Фукидида основывались на его общих антропологических представлениях, то Геродот нередко объясняет происшедшее волей богов или Рока [11; 131–145].
- ⁵ Надо заметить, что первый качественный скачок в развитии исторического познания – появление хроникально-летописных записей – был связан именно с возникновением государства. Древнейшей известной исторической записью является египетская летопись, высеченная на так называемом Палермском камне, датируемая XXV веком до н. э. и охватывающая период в 600–700 лет. Кроме династических рядов фараонов, в летописи указываются и наиболее важные события: постройка крепостных стен, храмов и судов, разорение вражеских земель, объединение Верхнего и Нижнего Египта и др. [4; 6], [24; 84–85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арон Р. Историческое объяснение / Пер. с франц. И. А. Гобозова // *Философия и общество*. 2003. № 4. С. 156–192.
2. Бойко П. Е. Становление понятия всемирной истории: историко-философский очерк / Под ред. Г. В. Драча. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 95 с.
3. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории*: Сб. ст. / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона; пер. с англ., нем., франц. Ю. А. Асева. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
4. Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 482 с.
5. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // *Логос*. 2006. № 5 (56). С. 3–8.
6. Вильчек В. С. Прощание с Марксом: алгоритмы истории. М.: Прогресс: Культура, 1993. 223 с.
7. Вригт фон Г. Х. Объяснение и понимание / Пер. с англ. Е. И. Тарусина // Вригт фон Г. Х. *Логико-философские исследования*: Избр. тр. М.: Прогресс, 1986. С. 35–241.
8. Гемпель К. Г. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*: Сб. ст. / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона; пер. с англ., нем., франц. Ю. А. Асева. М.: Прогресс, 1977. С. 72–93.
9. Данто А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришина. М.: Идея-Пресс, 2002. 289 с.
10. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории*: Сб. ст. / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона; пер. с англ., нем., франц. Ю. А. Асева. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.
11. Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида. СПб.: Алетейя, 2008. 263 с.
12. Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. *Короли-чудотворцы* / Пер. и коммент. В. А. Мильчина, предисл. Ж. Ле Гофф, послесл. и науч. ред. А. Я. Гуревич. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 11–57.
13. Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. под ред. А. Г. Грязновой. М.: Юнити-дана, 2001. 294 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс: Дегуманизация искусства*: Пер. с исп. М.: АСТ: АСТ-Москва: ООО «Хранитель», 2007. С. 5–209.
15. Подоль Р. Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века. М.: Наука, 2008. 435 с.
16. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. *Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы* / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 525 с.
17. Порк А. А. Проблема объяснения в современной немарксистской философии // *Философские науки*. 1983. № 4. С. 102–110.
18. Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.
19. Рикёр П. Память, история, забвение: Пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 725 с.
20. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. *Пролегомены*. М.: Логос, 2002. 656 с.
21. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 797 с.
22. Сергеев А. М. Свое (внутреннее) и позиция внешнего наблюдателя // *Феномен границы: способы его понимания, постижения и изучения*: Сб. науч. ст. Мурманск: МГПУ, 2009. С. 39–57.
23. Франк С. Л. Смысл жизни // PSYLIB. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/frans02/index.htm>
24. Фролов Э. Д. *Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли*. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 440 с.
25. Хайдеггер М. Наука и осмысление / Пер. с нем. В. В. Биbihина // *Новая технократическая волна на Западе*: Сб. ст. / Сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 67–84.
26. Харитонов М. Е. Связь смысла человеческого существования со смыслом истории. СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2007. 103 с.